

ISSN 2518-1483 (Online),
ISSN 2224-5227 (Print)

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҰЛТТЫҚ ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ
БАЯНДАМАЛАРЫ

ДОКЛАДЫ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

REPORTS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

ЖУРНАЛ 1944 ЖЫЛДАН ШЫҒА БАСТАҒАН
ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1944 г.
PUBLISHED SINCE 1944

3. САМАШЕВ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ
ИЗОБРАЖЕНИЙ КАЗАХСТАНА

В статье анализируются наскальные изображения эпохи бронзы Казахстана. Делается вывод о том, что на данный хронологический горизонт приходится пик развития петроглифического искусства. Это было связано с усложнением общественных отношений, становлением новых социальных институтов и комплексных хозяйственно-культурных типов, усилением глобальных и локальных миграционных процессов, культурных диффузий; распадом этноязыковых общностей, дальнейшим развитием и накоплением рациональных знаний об окружающем мире; формированием новых мировоззренческих ориентиров, религиозных представлений и сложением соответствующих им мифоритуальных комплексов.

На бронзовый век приходится пик развития наскального изобразительного искусства у народов, населявших горные и степные просторы Евразии. Это было связано с усложнением общественных отношений, становлением новых социальных институтов и комплексных хозяйственно-культурных типов, усилением глобальных и локальных миграционных процессов, культурных диффузий; распадом этноязыковых общностей, дальнейшим развитием и накоплением рациональных знаний об окружающем мире; формированием новых мировоззренческих ориентиров, религиозных представлений и сложением соответствующих им мифоритуальных комплексов и с другими факторами.

Основные мотивы наскального изобразительного искусства как отражения объективной действительности – солярные знаки и различные символы, орудия труда, средства передвижения, культовые предметы и оружие, люди и животные, полиморфные зоо-антропоморфные и орнитоморфные существа, изображенные в одиночку или связанные с конкретными сюжетными линиями, нередко образующими сложные многофигурные композиции (рис. 1).

Наряду с традиционными охотничьими сюжетами в это время появляются: батальные сцены с использованием палиц, боевых топоров, щитов и других видов оружия ближнего и дистанционного боя, а также боевых колесниц, парные и групповые танцы с участием «ряженных», «солнцеголовых» персонажей; эротические сцены, связанные с культом плодородия; ритуалы жертвоприношения. Расшифровка их внутреннего содержания является чрезвычайно сложной исследовательской задачей.

В ряде случаев на основе анализа технико-стилистических признаков, микротопографии, мотивов, сюжетов и др. в рамках одной исторической эпохи удается вычленилть более ранние, средние, поздние или промежуточные пласты.

Многочисленные изображения диких быков-туров, повозок или колесниц, фигуры ряженных антропоморфных персонажей, охватывающие главным образом периферийные участки западно-тынь-шанской горной цепи и имеющие локальные стилистические и сюжетные особенности, датируются, на мой взгляд, первой половиной – серединой 2 тыс. до н.э. Однако некоторые исследователи склонны датировать их серединой – второй половиной 2 тыс. до н.э.

Знаки и символы. Энеолитическим временем датируются символические знаки писаниц грота Акбаур в Восточном Казахстане, значительную часть которых занимают крестообразные знаки. В основном это простые кресты, косые, некоторые с раздвоенными концами. Всю композицию завершает подпрямоугольная фигура с вертикальной полосой внутри.

На потолке грота запечатлены серия косых крестов, жилище, цепочки треугольников, ромбов, точки, образующие треугольную фигуру.

Слабая изученность памятников энеолита и ранней бронзы в Восточном Казахстане препятствует выявлению направлений этнокультурных контактов в рассматриваемую историческую эпоху. Однако можно допустить, что благодаря удобному географическому расположению этот регион был зоной интенсивных связей между Южной Сибирью и Средним Востоком, а также с глубинными районами Центральной Азии. Такие контакты археологически прослеживаются

Рис. 1 - Наскальные изображения эпохи бронзы в урочище Сауыскандык хребта Каратау. 1, 5-7 - антропоморфные фигуры; 2, 4 - изображения лошадей в сейминско-турбинском стиле; 3, 8-9 - изображения быков и телег.

достаточно четко в андроновскую и последующие эпохи; они имели место, вероятно, и в энеолите, и в эпоху ранней бронзы, т.е. во время существования афанасьевской и окуневской культур Южной Сибири. Писаницы грота Акбаур занимают самую начальную стадию развития на-

скального искусства эпохи палеометалла. Ближе к ним серия писаниц из верховий Иртыша – Бухтарминские, Маната, Сартымбета, а также у озера Жасыбай и грота Драверта в Павлодарской области; грота Тесиктас в Центральном Казахстане; грота у санатория Капал-Арасан в

Жетысу; у входа грота Караунгур в местечке Сусинген в Южном Казахстане и др.

Замечено, что создатели крашенных рисунков предпочтение отдавали гротам, нишам и, непременно, светлым гранитным массивам с навесами. Вероятно, это неслучайное явление; основная масса допалеометаллических росписей сосредоточена в пещерах и нанесена на поверхность светлых камней, т.е. здесь налицо цветопредпочтение и этому способствовали природные факторы, так как на темных поверхностях красные изображения абсолютно теряли бы всяческий смысл и эффект зрительского восприятия.

С большой долей вероятности можно предположить, что целый пласт изображений, выполненный красной охрой связан с проникновением элементов традиций ямно-катакомбной общности, носители которой продвинулись, по нынешним представлениям, на восток. В результате нескольких миграционных волн с запада, а также непосредственного контакта с носителями соседних окуневско-афанасьевского круга культур, особенно в северных и восточных регионах Казахстана, в рассматриваемый исторический период население значительной части современной территории нашей страны находилось в орбите глобальных этнокультурных явлений, вызванных взаимопроникновением пришлых и автохтонных элементов и благодаря этому облик местной культуры обретал особый колорит. На востоке Казахстана эти культуры представлены памятниками типа Усть-Нарым (парное поздненеолитическое или, скорее, афанасьевское погребение на поселении и другое захоронение здесь же в культурном слое) и материалами могильника раннебронзового века Канай.

В указанных культурах особое место занимала охра; ее широко использовали в погребально-поминальной обрядности, о чем свидетельствуют данные археологических исследований. Особый интерес в этом плане представляет погребение женщины раннеэнеолитического времени (конец 4 – начало 3 тыс. до н.э.) близ г. Усть-Каменогорск, на окраине с. Меновное, где обна-

ружен кусок красной охры на тазовой кости с правой стороны. Скорее всего, кусок охры женщина носила в специальном мешочке на поясе¹. Следует отметить, что примерно на равном расстоянии от комплекса Меновное находятся два грота - Акбаур и Сартымбет с писаницами, выполненными красной охрой².

Среди писаниц грота Тесиктас, расположенного в 16 км от пос. Аксу-Аюлы в Центральном Казахстане имеются несколько солярных символов в виде крестов и круга.

Из «дальнедистанционных» параллелей укажем на находки из Донецкого Приазовья и Северного Донца в Восточной Европе, где с конца 3 тыс. до н.э. до 18 в. до н.э. жили племена катакомбной культурно-исторической общности, которые практиковали уникальный обычай рисовать на дне катакомб стоп человека, спиралевидные узоры, зигзаги, кресты, восьмеркообразные, спиралевидные и другие знаки, овалы, треугольники, выполненные красной охрой и класть в могилу инструменты, с помощью которых наносились изображения³. На обрывках погребальных саванов также сохранились полоски охры. По мнению исследователей красная охра олицетворяла кровь и жизнь, очистительную силу огня, представление о смерти как продолжении жизни. Подобные погребения рассматриваются некоторыми исследователями как захоронения художников. Ареал этих рисунков совпадает, по мнению исследователей, с территорией распространения так называемой ингульской культуры, существовавшей в рамках катакомбной культурно-исторической общности и носители которой по мнению С.Ж. Пустовалова, находились на раннекастовой социальной стадии и имели многие отличительные признаки раннегосударственных образований, что обуславливало его переходный от первобытности к цивилизации характер⁴.

Солярные мотивы. К эпохе бронзы относится огромное количество изображений различных символических знаков, которых по невозможности точно идентифицировать, за исключением свастики, обычно обозначают как солярные. Отдельные образцы солярных знаков заслужи-

¹Ткачев, 2001, с. 111-115.

²Самашев, Ермолаева, Куц, 2008, с. 134-139.

³Санжаров, 1989, с.97-107.

⁴Пустовалов, 1998, с. 23, 24.

вают внимания по манере трактовки и форме. Так, среди каратауских отметим одну спиралевидную фигуру, контуры которой составлены из более 73 насечек, а к внутреннему концу спирали примыкают три полосы по три лунки (всего 9) в каждой строчке.

Особого внимания заслуживают изображения солярных знаков в виде лабиринтов, наиболее яркий образец которых представлен кулжабасинским рисунком, который имеет широкие параллели среди североευропейских и британских памятников, как об этом уже упоминалось выше. Хронология этих знаков также широка – от неолита до средневековья. Среди казахстанских петроглифов они зафиксированы на сарматском святилище Байте 3. В верховьях р. Емба нами были зафиксированы загадочные фигуры-знаки, основной компонент которых составляют подобного рода спиралевидные элементы. Однако с солярными лабиринтами эпохи бронзы они также имеют лишь типологические соответствия, но не хронологические.

Солярные символы, кроме лучей, зигзагов, точек и др. иногда наделяются дополнительными элементами зоо- или антропоморфного свойства и превращаются в некие фантастические полиморфные существа.

Среди петроглифов эпохи бронзы часто встречаются чашевидные углубления, которые неоднократно стали специальным объектом анализа и интерпретации.

Особую категорию символов эпохи бронзы составляют изображения стопы и кисти рук человека, связанные с очень глубокими религиозно-философскими представлениями людей эпохи бронзы. В следующей главе мы рассмотрим некоторые семантические аспекты изображений стопы человека.

Вероятно, уже в эпоху бронзы, в силу социальной дифференциации и существования формы общинной (или частной) собственности на скот, на землю, недра, выработки, шахты, сакральные объекты, святилища и др. (по современному понятию – на движимое и недвижимое имущество) и, соответственно, могли обозначать земельные владения рода, скот или имущество какими-то опознавательными знаками, узнаваемыми ими самими и соседями. Поэтому, вполне возможно, что часть знаков, высеченных на скалах может оказаться знаками собственности родовых под-

разделений или патриархальных семей. Со временем, возможно, нам удастся вычленить из массы символических знаков эпохи бронзы на сосудах, металлических изделиях, на скалах и т.д., специфические тамговые.

Звериные образы. Триада рогатых животных – бык, олень и тау теке/архар – составляет основу зооморфного искусства бронзового века. В бестиарий племен эпохи бронзы входят также и различные другие копытные животные, хищные звери и птицы, которые существенно расширяют репертуар наскального изобразительного искусства этого времени. Причины превалирования того или иного образа в нем следует искать, в первую очередь, в ареале тех или иных популяций животного мира, с которым были тесно связаны жизнедеятельность и система жизнеобеспечения народов, адаптированные к особенностям природно-экологической ниши конкретных географических зон Евразии.

Образ быка. Крупный рогатый скот (КРС) еще в древнекаменном веке становится одним из наиболее продуктивных объектов охоты, благодаря большой массе тела и относительно небольшой скорости бега. Это животное (не только бык, но и корова) одомашненное еще в конце каменного века, в эпоху бронзы умножает свою популярность, а и по многим положительным характеристикам выдвигается на передовые позиции в хозяйственно-культурной жизни общества древних скотоводов и металлургов. Изобретение волокуши, саней, колеса, повозки напрямую связано с обнаружением человеком тягловых возможностей не только эквида-полуосла, но и домашнего быка (лошадь, ставшая впоследствии основным упряжным животным и средством верховой езды, была domesticiрована, судя по материалам поселения Ботай на стыке степи и лесостепи, несколько позже – в начале 3 тыс. до н.э. - В. Зайберт, Д. Энтони, хотя, имеются и противники этого утверждения: М. Левине). Его животная продукция – шкура, кость, рога и др. – широко используются как сырье в ремесленном производстве. Молоко и какие-то молочные изделия, возможно, употреблялись в пищу и в различных ритуалах. Здесь же заметим, что по последним данным, неолитическое население Ботая в Северном Казахстане, по сообщению В.Ф. Зайберта, владело технологией получения из кобыльего молока кумыса. Если это так, то относи-

тельно широкого употребления людьми в бронзовом веке коровьего молока не должно быть никаких сомнений. В литературе обычно употребляется обобщенное определение – «бык».

Таким образом, особая роль КРС в жизнеобеспечении людей бронзового века предопределила значение его образа и в системе культурных ценностей и мировоззренческих построениях, способствовало зарождению и формированию культа быка и связанных с ним различных ритуалов и обрядовых действий, которые отражали, в первую очередь, идею благополучия, увеличения поголовья скота и т.д. Культ этого животного, теснейшим образом связанный с идеей плодородия, впоследствии переплетается с универсальными представлениями, солярно-космогоническими или иными, глобальными и конкретными (например, жертвенных) его функциями. Типология и стилистический анализ изображений быков эпохи бронзы необходим лишь для определения внутренней, относительной хронологии и попытки привязки их к выделенным археологическим культурам, так как в целом по эпохе они выделяются достаточно корректно: их различие, например, от фигур этого животного, выполненных в скифо-сакском зверином стиле столь очевидно, что было бы вообще абсурдно строить какую-либо систему доказательств, причем, с составлением сравнительно-типологических, корреляционных и других видов таблиц, как это делается иногда.

По ряду параметров среди известных изображений быков эпохи бронзы на территории Казахстана можно выделить несколько групп, которые отличаются между собой как по стилистическим и иконографическим особенностям, так и по времени создания в пределах бронзового века. Условно можно выделить круг изображений быков с определенным набором выразительных элементов, наиболее репрезентативные образцы которых представлены петроглифами Саймалы-Таша, Тамгалы, Терса, Карасая и др. Ферганского хребта, Таласского Алатау, Кыргызского хребта, Шу-Илийских гор и хребта Каратау и Жетысуского Алатау, т.е. не выходит за пределы территории Жетысу и Южного Казахстана, а также имеют единичные аналогии среди известных сейчас петроглифов Центрального Казахстана, т.е. не распространяются севернее линии северо-восточного Жетысу, Прибалхашья и север-

ных склонов хребта Каратау (рис. 1, 3, 8, 9). Этот круг изображений условно можно отнести к саймалыташско-тамгалинской традиции. Сюда относится значительная часть изображений быков, выполненных в геометрическом стиле, т.е. с трактовкой корпуса животного в виде битреугольных, квадратных и прямоугольных фигур, с параллельными извилистыми рогами, направленными вперед и т.д. В этом отношении очень показательны формы, соотношение размеров и манера посадки рогов и их сочетание с другими «содержательными элементами», создающими изобразительный образ этого животного – хвостом, холкой, туловищем и т.д. В зависимости от направленности сюжетной линии композиций на скалах изображали диких туров или домашних быков, что можно наблюдать даже в пределах одного петроглифического комплекса: в одних случаях это сцены охоты на дикого быка или жертвоприношения, а в других – быки, запряженные в повозки, вьючные животные (Монгольский Алтай).

Наибольшая концентрация изображений быков эпохи бронзы зафиксирована среди петроглифов в горах Кулжабасы в Жетысу.

Среди петроглифов Сауыскандык в Каратау имеются редкие изображения упряжных быков с небольшими колечками на кончиках морды, предназначенные для крепления ремней управления. Среди ближневосточных древностей известны изобразительные материалы, наглядно демонстрирующие этот способ. Через такие кольца в носу тяглового быка пропускались ремни или веревка, с помощью которых достаточно эффективно осуществляли контроль и управления. Во многих случаях хорошо видно, что ремни - вожжи, примыкают к кончикам морды животных: в Саймалы-Таше, Байконуре и Ешкиольмесе.

Быков из урочища Сауыскандык сближает с саймалыташскими также и трактовка кистей хвоста в виде треугольной геометрической фигуры и присутствие в композиции хвостатых ряженных персонажей, а также малые габариты колес повозок. Сходства на этом кончаются, сауыскандыкские образцы по сравнению с саймалыташскими более реалистичны, динамичны и в ряде случаев отмечены солярными символами-кольцами, круглыми точками, решетчатыми знаками и др. Кстати, треугольные кисти хвостов быков Сауыскандыка идентичны с изображениями хвоста ряженого человека с палицей из Там-

галы (рис. 1, 8). С тамгалинскими петроглифами сближают петроглифы Сауыскандык и другие мотивы, выполненные в одинаковой манере.

Представительную группу изображений быков из Южного Казахстана и Жетысу составляют те, у которых корпуса разрисованы различными геометрическими узорами, «клетками», кругами, точками, волнистыми и зигзагообразными линиями, расположенными как вертикально, так и горизонтально, т.е. эти животные особо выделены из общей массы и «отмечены» для каких-то целей. В декорировании подобными «узорами» туловища быков пока не улавливается какая-либо система или числовая характеристика, поэтому каждая разрисованная фигура отличается своей индивидуальностью и неповторимостью. Нет хронологического разрыва и между такими и обычными фигурами быков; они чаще встречаются вместе и поэтому такой способ оформления корпуса животных нужно рассматривать, видимо, с точки зрения религиозных воззрений древних людей и как семантическое явление. Фигуры в виде различных решеток – частое явление в наскальных изображениях эпохи бронзы. Они встречаются на камнях погребальных сооружений – оград (например, в урочище Сарыколь в Восточном Казахстане, решетчатые изображения среди писаниц верховий Иртыша и петроглифов Аиыртау, а также озера Жасыбай. Существуют разные версии, относительно подобного декорирования: идея расчлененности жертвенных животных (но, некоторые быки из Сауыскандыка запряжены в повозки), попытка передачи цвета, масти и т.д.

В петроглифах Саяно-Алтайской провинции, включая Монгольский Алтай, фигуры быка с разрисованными туловищами встречаются гораздо реже, чем в зоне Северо-тяньшанской провинции⁵. Единичные образцы зафиксированы среди петроглифов Калбак-таша на Алтае.

Специального внимания требует изображение двух быков, один на фоне другого, названные «стельной коровой» из урочища Тамгалы. Это определение данное в свое время А.Г. Максимова носило условный характер. Определение изображения как стельная корова, сразу же под-

разумеает, видимо, отражение в данной сцене культа плодородия. С точки зрения биологии определение их как стельная корова неверно. Истинный смысл и содержание этой сцены лежат, видимо, в другой плоскости. Пока трудно что-либо предположить. Поэтому необходимо сначала выяснить степень встречаемости подобных сцен в памятниках изобразительного искусства. Как ни странно, семантически близкие параллели, т.е. изображения одних животных на фоне других - известны в раннескифских комплексах, правда, они непосредственно не связаны с образом быка: среди петроглифов Жалтырак-Таша (Ур-Марал) дважды; на известной многофигурной композиции с палимпсестом из Арпаузена также дважды на одной плоскости; на Бейской стеле из Хакасии⁶ и в торовтике европейских скифов и т.д.

Другой круг изображений быка представлен образцами из Восточного Казахстана, которые стилистически различаются от тех, которых мы условно назвали саймалыташско-тамгалинскими и больше тяготеют к монгольским и алтайским и условно могут быть названы саяно-алтайскими. Некоторые из них рассмотрим ниже, но прежде отметим, что несколько изображений быка, выполненные красной охрой из грота Тесиктас в Центральном Казахстане, стилистически тяготеют к ранним изображениям этого животного из Восточного Казахстана.

Образ коня. Конь, одомашненный в энеолите, уже в бронзовом веке, по мере возрастания его потенциала в системе хозяйственной жизни народов степной Евразии становится одним из ключевых объектов культового почитания и, как следствие, его образ интенсивно разрабатывается в многоплановой изобразительной деятельности – в мелкой пластике, в наскальном искусстве, торовтике, в мобильных статуарных памятниках и т.д. Поэтому естественно допускать формирование в различных регионах очерченной территории художественных традиций, стилей и т.д., обогащенные некоторыми местными специфическими элементами, которые не заслоня сформировавшийся облик того или иного культурного феномена и не нарушая общую канву, в то же

⁵Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 534-535.

⁶Дэвлет, 1980, с. 240.

время придают ему особенный колорит. Это, в известной степени, закономерный процесс в возникновении и развитии различных изобразительных стилей, традиций, например, как «минусинский или «ангарский», «саймалыташско-тамгалинская традиция» и т.д., и в полной мере применим для характеристики и определения специфики формирования иконографического облика коня в изобразительных памятниках различных периодов эпохи бронзы.

Целый пласт уникальных изображений лошадей (и других образов и сюжетов) в петроглифах, мелкой пластике и т.д., выполненных в «сейминско-турбинской традиции» и имеющих устойчивый легко распознаваемый во многих регионах иконографический облик, был выделен в свое время на основе стилистической идентификации с фигурами на навершиях ножей и кинжалов, а также скульптурными навершиями каменных жезлов из Восточного Казахстана и соседних регионов.

Сейминско-турбинский феномен, связанный, с высокотехнологичной для своего времени палеоэкономикой общества горняков, металлургов и искусных мастеров-ремесленников, а также воинственных скотоводов-коневодов, пастухов характеризует и высокий уровень их изобразительной деятельности. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых пишут, что «характер их оружия и военной организации оказался в середине 2 тыс. до н.э. столь совершенным, что эти люди смогли в очень короткий отрезок времени преодолеть в своих походах-миграциях многотысячекилометровые пространства западносибирских лесостепей и тяжелой заболоченной тайги, перевалить Уральские горы и выйти на лесные равнины Восточной Европы»⁷. Металлическое оружие, по мнению этих авторов, явилось своего рода «этническим знаком» сейминско-турбинских популяций, с которым не согласились Б.Н. Пяткин и Е.А. Миклашевич, а также В.А. Новоженев⁸. Б.Н. Пяткин и Е.А. Миклашевич полагают, что объективно наскальные рисунки могут являться этническим индикатором⁹. Однако Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых использовали это понятие в

качестве метафоры, как это видно из контекста, для характеристики культуры эпохи, а этнодифференцирующий потенциал петроглифов, особенно ранних, если даже он и существует, то в науке еще не описан и не систематизирован. Более того, относительно сейминско-турбинской традиции вообще не нужно искать некий этнический субстрат даже на уровне культурно-исторических общностей (срубно-андроновской, синташтинско-петровской и т.д.), как это предлагал В.А. Новоженев, а рассматривать его как особый надкультурный, надэтнический и экстерриториальный феномен, распространившийся, благодаря высокой технологии металлургического производства и созданию на этой базе милитаризованных мобильных сообществ, единство и уровень технологического достижения и военной мощи которых могут маркироваться определенной категорией вещевых комплексов. Поэтому в пределах распространения бронзовых изделий данного облика, мелкой пластики, а также специфических предметов из кости, камня и т.д., необязательно искать близкое совпадение в типах керамической посуды (и сравнивать ее, то с окуневской, то с синташтинско-петровской и др.), в антропологическом облике населения. В этом плане наша позиция близка взглядам Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых. Высказывание Ю.И. Михайлова: «Сила оружия, помноженная на авторитет сакральной традиции, - вот одна из главных составляющих сейминско-турбинского культурного феномена» при анализе жезлов с конеголовыми навершиями, относится уже к области социально-политических и религиозных структур и достаточно емко характеризует состояние и структуру общества в период расцвета¹⁰.

Исходным районом металлургического производства сейминско-турбинской бронзы Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых считают Рудный Алтай и Верхний Иртыш, где имеются богатые залежи меди и, главное, кассетерита в Калба-Нарымском массиве, откуда в древности снабжали оловом Восточную Европу, а по последним данным, полученным в ходе исследований на Аскаралы в Делбегетейском массиве – вплоть до Месопото-

⁷Черных, Кузьминых, 1989, с. 5.

⁸Новоженев, 2002, с. 41.

⁹Пяткин, Миклашевич, 1990, с. 151.

¹⁰Михайлов, 2002, с. 109.

тамии, на востоке – Минусинской котловины, где у окуневцев зафиксированы сплавы с оловом из Рудного Алтая¹¹. Отметим здесь, что радиоуглеродная дата материалов одного из рудников Калбинских гор - Калайы тапкан – 1462-1210 гг. до н.э. Однако были и противники гипотезы Е.Н. Черныха. В частности, В.И. Матющенко допускал, что на среднем Иртыше тоже мог существовать самостоятельный центр производства турбинско-сейминских бронз¹².

В свете этих данных не выглядит столь фантастичным и мнение Н.А. Ткачевой, о том, что истоки андроновских древностей Урало-Енисейских степей находятся на территории Казахстанского Прииртышья, где раннеандроновские племена сформировались на базе высокоразвитой металлургии и продуктивного скотоводства и что в среднебронзовый период, названный «канайским», начинается их миграция (в начале усилившегося ксеротерма, т.е. в конце первой половины 2 тыс. до н.э.) до Кузнецкой и Минусинской котловин, где взаимодействуют с окуневскими племенами, а в Обь-Иртышской степи – с елунинско-кротовским населением; они в это время проникают в степи Центрального Казахстана, продвигаясь на запад канайско-андроновское население соприкасается с петровскими племенами Северного Казахстана и небольшие группы андропо-канайцев в начале второй половины 2 тыс. до н.э. проникают в Тоболо-Ишимское междуречье, Зауралье, достигают Поволжья и Украины; позднеандроновские группы в это время появляются на юге Казахстана и в Средней Азии¹³. Если отбросить некоторые детали, эти представления перекликаются с вышеприведенными взглядами Е.Е. Кузьминой, но с той лишь разницей, что исходной территорией миграции одна считает степи Центрального Казахстана, другая – Восточный Казахстан.

Именно из Восточного Казахстана происходят основные категории металлических изделий –

кельты, наконечники копий, ножи и кинжалы, а также литейные формы для отливки этих изделий¹⁴.

Однако эти авторы тогда не учитывали информационные возможности наиболее массового петроглифического материала, составляющего важный компонент и характеризующего сейминско-турбинский феномен с иного ракурса. Правда они обратили особое внимание на наверхия ножей и кинжалов в виде лошадей и баранов, рассматривали и вопросы, связанные с древним коневодством, полагая, что на этих предметах были изображены домашние животные, сравнивали их экстерьер с низкорослыми степными породами типа казахской жабы, правда, назвав их кыргызской или монгольской¹⁵.

Эти лошади имеют устойчивые иконографические признаки: большая голова, иногда вытянута вперед или опущена вниз, специфическая манера передачи гривы, особенно, челки, массивный корпус, живот в ряде случаев действительно отвислый, но есть и поджарые, особый признак - ноги короткие. Классические варианты представлены объемными лошадами сейминского ножа из одноименного могильника, расположенного при слиянии Оки с Волгой¹⁶, кинжала из могильника у д. Ростовка вблизи г. Омска¹⁷ и кинжала из Шемонаихи в Восточном Казахстане¹⁸, а также плоскостными - из Елунино и Усть-Мута на Алтае¹⁹.

Рассмотрим петроглифический материал из обширной зоны центральноазиатского региона, включающего Восточной Казахстан, однозначно считающийся многими специалистами исходным районом формирования металлургии данного типа и прилегающий к нему с юга Жетысу, в некоторой степени, и Фергану²⁰, представлявших собой периферийную зону становления этого феномена, а также Казахский мелкосопочник, где зафиксированы наиболее яркие образцы этого искусства – Теректы Аулие, Байконур и др.

¹¹Берденов, Гарнер, Горелик, Куш, Мерц, Самашев, Черны, 2007, с. 122-123; Берденов, 2008, с.48-52.

¹²Матющенко, Симицына, 1988, с. 120.

¹³Ткачева, 1998, с.4-5.

¹⁴Черных, Кузьминых, 1989, с.248.

¹⁵Черных, Кузьминых, 1989, с.249.

¹⁶Бадер, 1971, с. 98-103.

¹⁷Матющенко, Симицына, 1988

¹⁸Самашев, Ермолаева, Куш, 2008, с. 54-57.

¹⁹Ковтун, 2006, с. 65-72; 2008, с. 139-143.

²⁰Винник, Кузьмина, 1981, с. 50.

Известные сейчас в верховьях Иртыша изображения лошадей, относящиеся к эпохе бронзы можно разделить на несколько условных групп, которые, видимо, имеют и хронологические различия в рамках данного исторического периода.

Ранние из них изображены приземистыми, с массивными корпусами, с очень короткими двумя ногами и выгнутыми спинами. Брюхо у них во многих случаях отвислое. Головы опущены вниз под определенным углом, но морда слегка направлена вперед. Грива и челка слиты воедино. Уши у большинства изображений не выделяются. Длинный хвост опущен под углом. Такие признаки характерны для восьми фигур лошадей, изображенных на сопке Каратобе и нескольких изображений из урочища Мойнак²¹. Эти изображения сближают перечисленные выше признаки с фигурой лошади на кинжале из Шемонаихи, которая имеет территориальную и хронологическую близость с указанными наскальными рисунками. Мы ранее, при характеристике металлографического состава шемонаихинского кинжала, отмечали высокое содержание олова (15373) и его близость в этом отношении с оружием из Ростовки (15000), Джунба (15000) из Калбинского хребта и Цыганковой Сопки на Алтае (10000) и предположили, что источником для изготовления шемонаихинского кинжала, вероятнее всего, является полиметаллическое месторождение Николаевское, расположенное в 19-12 км от к югу от г. Шемонаиха²².

Иконографически наиболее близкая аналогия шемонаихинской скульптуре происходит из с. Чарыш на Алтае²³. Голова чарышской скульптуры также массивная, обозначены уши и глаза, дугообразно трактованная грива начинается на лбу лошади и заканчивается на спине, задняя часть животного, как у нашего образца, ниже чем передняя; спина вогнутая. Шемонаихинскую и чарышскую лошадей (и в некоторой степени - животных на навершии ножа из Джумбы) объединяет также одна интересная деталь: от нижней губы лошади вниз под углом расположена овальная в сечении полоска-перемычка, функцию ко-

торой авторы находок интерпретируют как крепёжное приспособление, но допуская при этом и функцию повода узды. Не отрицая возможность чисто технологического объяснения функции этой детали как опоры-крепления для скульптурной головы лошади, мы больше склоняемся к тому, что здесь показано приспособление - ремень для управления (верховым, упряжным или жертвенным) животным. Подобные типы простого конского снаряжения для контроля и управления лошадью через нижнюю челюсть (или через отверстие в нижней губе ?) известны у североамериканских индейцев; запечатлены на ассирийских рельефах²⁴. По-видимому, такие простые виды ремней управления, наподобие повода, изображены на нескольких сценах из Восточного Казахстана (Мойнак), хр. Каратау (рис. 1, 2, 4), где показаны идущие от морды лошади к человеку линии. Вполне возможно, что ростовкинские скульптуры также передают этот же способ управления лошадью, что и в петроглифах, а на шемонаихинском и чарышском они показаны без человека.

Клинок чарышского кинжала типологически близок к курчумскому из Восточного Казахстана и караколскому из Кыргызстана, но отличается от шемонаихинского. Это отличие, возможно, имеет и незначительное хронологическое выражение.

Серия изображений лошадей, показанная с четырьмя прямыми ногами, без изгибов скакательных суставов, в изящной манере и в динамике, с маленькой головой и торчащим ухом из разных районов Восточного Казахстана, безусловно, относится к несколько более позднему этапу²⁵. К этой категории относятся также и некоторые силуэтные изображения лошадей с «лебедьими» шеями, в позе, близкой к «внезапной остановке». По своим морфологическим характеристикам эти изображения близки ростовкинской фигурке коня с лыжником на рукояти ножа, хранящегося в музее Томского университета. П.Ф. Кузнецов считает, что ростовкинская лошадь соответствует неодомашненным видам, скорее, лесному тарпану, рост которого по холке

²¹Самашев, 1992, с. 32, 152, 153.

²²Самашев, Жумабекова, 1993, с. 26

²³Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006, с. 45-53.

²⁴Сводку см. например, Новоженев, 1994, с. 168.

²⁵Самашев, 1992, с. 153.

не превышал 120 - 125 см и, что сама сцена связана с темой охоты, когда человек набрасывает на шею животного петлю²⁶. Сам автор раскопок В.И. Матюшенко эту скульптурную композицию объяснял как момент передвижения лыжника необычным способом с помощью лошади. Доместичированными однозначно считают их Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, а также И.В. Ковтун и В.И. Матюшенко, к мнению которых присоединяемся и мы.

Все остальные рисунки лошади, отличные от них по своим стилистическим особенностям, занимают, скорее всего, промежуточное положение. Из Восточного Казахстана происходят два каменных жезла с навершиями в виде скульптурной головы лошади, выполненные в классическом варианте сейминско-турбинской изобразительной традиции и, которые рассматриваются нами как эталонные²⁷. Близкие находки известны на Алтае (Шипуново-5) и один экземпляр происходит из Омска²⁸.

Наиболее близкие иконографические и изобразительные параллели этим фигуркам мы находим среди петроглифов Центрального Казахстана, в первую очередь, из Теректы Аулие. Изображения лошадей из Теректы Аулие выполненного в стиле, близком к сейминско-турбинскому: фигура силуэтная (редко с четырьмя короткими и слегка согнутыми ногами), поза статичная, только массивная, расширяющаяся к основанию и выгнутая дугой (иногда вытянутая вперед) шея с гривой, переходящей в нависающую надо лбом клиновидную челку, подчеркивает внутреннее напряженное состояние животного. При всех вариантах моделировки шеи, ее нижняя линия остается, за редким исключением, неизменно ровной. Особенно выразительна морда коня в виде вытянутой (или опущенной) полоски с закругленным, иногда слегка загнутым кончиком. Линия подбородка изредка плавно изогнута; основание нижней челюсти образует острый угол с горлом, что придает изображению головы животного особое изящество. Впечатляют фигуры двух коней,

показанные в позе боя жеребцов, голова, гривы и шеи которых в самом деле напоминают лебединые²⁹. Такими характеристиками обладают скульптурные головки лошадей на втулке бронзового наконечника копья из Жетыгары³⁰. Это кони-лебеди в плане стилистической характеристики, а в семантическом отношении также вполне возможна связь коня с орнитоморфным образом.

Большая серия изображений лошадей, выполненная в близкой к сейминско-турбинской традиции происходит из местонахождения Байконур в Центральном Казахстане, которые были подробно рассмотрены В.А. Новоженовым в плане культурно-хронологической атрибуции, что избавляет нас от необходимости повторения³¹.

Следующая зона распространения изображений лошадей в сейминско-турбинской традиции – Жетысу и Южный Казахстан. Значительное количество изображений лошади с подчеркнутой гривой и, главное, с нависающей надо лбом заостренной челкой встречается в петроглифах северо-восточного Жетысу, в его юго-западной периферии, а также на склонах хребта Каратау в составе многофигурных композиций и иногда запряженными в колесницы с многоспицами колесами, нередко – со связанными ногами. Практически во всех известных на сегодняшний день крупных (и некрупных) местонахождениях петроглифов эпохи бронзы указанной зоны имеются изображения этого животного, что позволяет рассматривать регион Жетысу и Южного Казахстана на зону контакта и взаимных диффузии носителей сейминско-турбинской и саймалыташско-тамгагинской изобразительных традиций эпохи бронзы. Причем, саймалыташско-тамгагинская традиция севернее Жетысу и северных склонов хребта Каратау, по нынешним представлениям, не распространяется, а сейминско-турбинская традиция, судя по отдельным находкам бронзовых изделий (Второй Каракольский клад, булавки из Зардчахаляфы, близ Пянджикента и Хака с зооморфными навершиями и др.) проникает несколько глубже на юг. Однако, эти металлические из-

²⁶Кузнецов, 2002, с. 82-83.

²⁷Самашев, Ермолаева, Куц, 2006, с. 50, 51, 53.

²⁸Кирюшин, 1991, с. 66-70; Кирюшин, Иванов, 2001, с. 43-52; Ковтун, 2002, с. 67-73; Ченченкова, 2004, с. 130.

²⁹Самашев, 2006, с. 177.

³⁰Мазниченко, 1985, с. 153.

³¹Новоженов, 2002, с. 37-42.

делия, по мнению других исследователей, напрямую могут быть и не связаны с сейминскими фигурками и иконографически разнятся³². Материалы Зардчахаалифы интересны тем, что найденные здесь дисковидные псалии, о которых мы скажем ниже, и каменный пест фаллической формы, которые в совокупности с находками из Западной Монголии, Китая (пест с навершием в виде головы барана, литейных форм, тиглей и др. из могильника Эрлитоу эпохи Шан-Инь в уезде Яньши³³ позволяет ставить вопрос не только о разных направлениях проявления сейминско-турбинской традиции, но и о границах распространения этого феномена. Нельзя не учитывать мнение В. А. Трифонова, что в синташтинскую эпоху с востока на запад (от Средней Азии до Прикарпатья) распространяется традиция изготовления пестов (и других подобных изделий) с различными зооморфными навершиями, которые имели к сейминско-турбинскому феномену какое-то отношение³⁴.

Относительно датировки сейминско-турбинских древностей еще в 1980-е гг. не было единодушия, колебание шло от 17 до 8 вв. до н.э.³⁵. Сейминский нож с лошадкой и человеком некоторые датировали 13 в. до н.э.³⁶. На основе радиоуглеродных дат, полученных в последние годы для грунтовых могильников Елунино-1 и Телеутский Ввоз на Алтае, появление многих категорий бронзовых изделий сейминско-турбинского типа, Ю. Ф. Кирюшин относит к 18-17 вв. до н.э.³⁷.

Сейчас некоторые исследователи синхронизируют ранние сейминско-турбинские и потаповско-синташтинские памятники степного и лесостепного круга в Восточной Европе с учетом тенденции к удревнению, на основе корреляции предлагают датировать 21-18 вв. до н.э.³⁸, а с учетом новой микенской и европейской дендрохронологии – 18-17 вв. до н.э., исходный импульс для формирования сейминско-турбинской метал-

лургии – 17 в. до н.э.³⁹. Если ориентироваться на хронологию подобных памятников из соседних регионов, то Эрлитоу в Китае – 17-16 вв. до н.э., а Зардчахаалифа – 17-15 (или новая, калиброванная дата: 21-17) вв. до н.э.⁴⁰.

Таким образом, указанные даты дают нижний горизонт существования рассматриваемой изобразительной традиции, а верхний горизонт маркируют, по-видимому, изображения лошадей на золотой сереге из комплекса Чесноково-1 на Алтае и на такой же сереге из Жетысу (Мыншункыр), которые отдаленно сохраняя общий облик сейминско-турбинской традиции отличаются от нее по целому ряду признаков и датируются уже более поздним временем, близким к началу 1 тыс. до н.э. Такой же позиции придерживаются и другие исследователи⁴¹.

Целая серия реалистических изображений лошадей сейминско-турбинской традиции из Сибири, Китая и Центральной Азии в целом доживает вплоть до раннескифского времени и сосуществует с мифологизированными образами искусства звериного стиля, что свидетельствует о несовпадении жизни феномена сейминско-турбинской металлургии с длительностью изобразительной традиции⁴².

Таким образом, рассмотренные выше изображения животных и символических знаков относятся к числу опорных мотивов наскального искусства обширной зоны евразийских степей, используемых для хронологической атрибуции и изучения мировоззрения населения эпохи бронзы.

Резюме

Қазақстандағы қола дәуіріне жататын жартаc суреттерінің негізгі түрлері – бұқа, жылқы және символикалық белгілер талданып, олардың ішкі мазмұны мен мағанасы және хронологиясы анықталып, көрші территориялардағы ұқсас ескерткіштерімен салыстыра зерттеу жүзеге асырылған.

³²Михайлов, 2002, с. 107.

³³Кучера, 1977, рис. 47.

³⁴Трифонов, 1997, с. 94-95.

³⁵Черных, Кузьминых, 1989, с.7-8, 256-263.

³⁶Матюшенко, Синицына, 1988, с. 113.

³⁷Кирюшин, 2002, с. 79-80.

³⁸Кузнецов, 2002, с. 81-82.

³⁹Михайлов, 2002, с.107-108.

⁴⁰Бобомуллоев, 1993, с. 56-63.

⁴¹Ковтун, Горяев, 2001, с. 60.

⁴²Савинов, 2000, с.179-183.

Summary

This article is devoted to the questions considered to chronologies, typologies and categorizations of main motives of stone art epochs of bronze Kazakhstan - an oxen, horses and symbolic signs. The semantic content and purpose of some plot is analyzed.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадер О.Н.* Бронзовый нож из Сеймы с лошадыми на навершии // КСИА. № 167. Памятники эпохи неолита и бронзы. М., 1971. - С. 98-103.

2. *Берденов С.А.* Казахстанские месторождения меди и олова и их разработка в бронзовом веке // Известия НАН РК. Серия обществен. Наук. № 1. Алматы, 2008. - С. 42-55.

3. *Берденов, С.А., Гарнер Дж., Горелик А., Куц Г., Мерц В., Самашев З., Черны Я.* Исследование шахт по добыче оловянной руды, поселения и некрополя эпохи бронзы в горном массиве Дельбетгей (Аскаралы 2) в Восточном Казахстане // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» 2006 г. Алматы, 2007. - С. 122-123.

4. *Бобамуллоев С.* Раскопки погребального сооружения из Зардчахаалифы // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия востоковедения, история, филология. Душанбе, 1993. - С. 56-63.

5. *Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е.* Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА. № 167. Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа. М., 1981. - С.48-53.

6. *Дэвлет М.А.* Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. - 272с.

7. *Кирюшин Ю.Ф.* Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // История, филология и философия. Вып.2. Новосибирск, 1991. - С. 66-70.

8. *Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и ранняя бронза Юга Западной Сибири. Издательство Алтайского университета. Барнаул, 2002. - 294с.

9. *Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е.* Новый сейминско-турбинский могильник Шигуново-5 на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии. Сборник научных трудов. Барнаул, 2001. - С. 43-52.

10. *Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П.* Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. - С. 67-73.

11. *Ковтун И.В.* Древнейшее скульптурное изображение лошадиных «причесок» в Северной и Центральной Азии // Тропой тысячелетий. Сборник научных трудов, посвященный юбилею М.А. Дэвлет. Кемерово, 2008. - С. 139-143.

12. *Ковтун И.В.* Иконография танайских «стержней-жезлов» // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. - С. 67-73.

13. *Ковтун И.В.* Фигуративные навершия выгнутообушковых ножей сейминско-турбинского типа // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. - С. 65-72.

14. *Ковтун И.В., Горяев В.С.* Могильник Танай-12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиций // Историко-культурное наследие Северной Азии. Сборник научных трудов. Барнаул, 2001. - С. 53-63.

15. *Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цаган-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск-Улан-Батор-Юджин, 2005.

16. *Кузнецов П.Ф.* Образы коня в бронзовом веке и еще одна интерпретация ростовкинской композиции // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. - С. 81-84.

17. *Кучера С.* Китайская археология. М.: Наука, 1977. - 271 с.

18. *Мазниченко А.П.* Бронзовый наконечник копья из Кустанайского музея // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.-С. 152-154.

19. *Матющенко В.И., Синуцына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТомГУ, 1988. - 135 с.

20. *Михайлов Ю.И.* Образ «чудесной упряжки» и символика движения-перемещения в культурных традициях Юго-Западной Сибири и Центральной Азии // Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию со дня рождения Я.А.Шера. Новосибирск, 2002. - С. 54-58.

21. *Новожинов В.А.* Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы, 1994.

22. *Новожинов В.А.* Петроглифы Сары Арки. Алматы, 2002. - 126 с.

23. *Пустовалов С.Ж.* О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Дону-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998. - С. 22-51.

24. *Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А.* Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. - С.146-153.

25. *Савинов Д.Г.* Реалистические изображения лошадей скифского времени и сейминская изобразительная традиция // Исторический ежегодник. Специальный выпуск, посвященный 70-летию В.И. Матющенко. Омск, 2000. - С. 179-187.

26. *Самашев З.* Петроглифы Казахстана. Онер. Алматы, 2006. 200 с.

27. *Самашев З., Ермолаева А., Куц Г.* Древние сокровища Казахстана Алтай. Алматы: Онер, 2008. - 200 с.

28. *Самашев З.С., Жумабекова Г.* К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. №5. Алма-Ата, 1993. - С. 23-33.

29. *Самашев З.С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алматы: Гьлым., 1992.288с.

30. *Санжаров С.Н.* Охра в изобразительной деятельности племен эпохи средней бронзы Донетчины. // СА. № 2. 1985. С. 97-107.

31. *Ткачев А.А.* Погребение каменного века из Верхнего Прииртышья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001. С. 111-115.

32. *Ткачева Н.А.* К вопросу о миграциях андроновско-канайских племен // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. - С.4-5.

33. *Трифонов В.А.* К абсолютной хронологии евро-азиатских культурных контактов в эпоху бронзы // Радиоуглерод и хронология. Вып.2. СПб., 1997 – С.94-97.

34. *Ченченкова О.П.* Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла 3-1 тыс. до н.э. - Екатеринбург: Тезис, 2004. - 336с.

35. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.